

основном хранили молчание по позиции касательно будущего отношений Африка – ЕС, делая небольшие попытки координировать деятельность своих небольших группировок [10, с. 12].

То же самое относится, хотя и в меньшей степени, к англоязычным странам Западной Африки. В 1999 году Нигерия, при поддержке Ганы, выразила обеспокоенность странам ЗАЭВС, которые отошли от линии Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). Однако эта позиция не прозвучала при переговорах между АКТ и ЕС [8, с. 13].

ЕС в переговорах склонялись к соглашению об экономическом партнерстве в отношении группы стран АКТ, которые официально предпочитали скорее статус-кво, что было не в интересах ЕС. В октябре 1999 года, после года разногласий по срокам и содержанию нового торгового режима, ЕС и АКТ пришли к соглашению. Был подготовлен неофициальный документ, предложивший компромисс, согласно которому переходный период (с сохранением ряда взаимных преференций) будет длиться на протяжении 8 лет (2000-2008), а переговоры о зоне свободной торговли будут длиться с 2002 по 2008 года [9, с. 980].

Этот компромисс наткнулся на некоторое сопротивление со стороны европейских государств, таких как Испания, которые рассматривали 8-летний переходный период слишком длинным. Но после того, как члены ВТО договорились о запуске нового раунда многосторонних переговоров в Сиэтле, и выраженного разочарования развивающихся стран, ЕС посчитал, что затягивать дальнейшие переговоры будет чревато последствиями, которые скажутся на отношении между ЕС и развивающимися странами [12, с. 37].

ЕС, согласно данному договору, собирался способствовать включению этих стран в мировую экономику, следуя политике равноправного партнерства, и подразумевалось, что это включение будет максимально эффективным. ЕС ставил задачу разработки внутреннего механизма для социально-экономического роста в странах АКТ, и при этом поддерживались предыдущие формы отношений. Новым моментом служила диверсификация отношений внутри группы АКТ, привлечение к сотрудничеству новых интеграционных групп этих стран. В Африке ЕС был намерен продолжить сотрудничество с стран Западноафриканским экономическим и валютным союзом (ЗАЭВС), Сообществом развития юга Африки (САДК), Экономическим сообществом Западной Африки (ЭКОВАС), а также Африканским союзом.

1. Kenneth, K. Signing Ceremony in Cotonou – A new era of cooperation / K. Kenneth // The Courier. Special issue – Brussels, 2000 – P. 15–17.
2. Laaksonen, K. Lomé Convention, Agriculture and Trade Relations between the EU and the ACP Countries in 1975-2000 / K. Laaksonen, P. Mäki-Franti and M. Virolainen // Working paper 06/20 of Specific Targeted Research Project TRADEAG – Finland: Pellervo Research Economic Institute: 2000 – 86 p.
3. Lagos Plan of Action for the Economic Development of Africa 1980-2000 / Organisation for African Unity – Addis Abbaba: Organization of African Unity, 1980 – 104 p.
4. Lecomte, H. Effectiveness of developing country participation in ACP-EU negotiations / H. Lecomte // Working paper – London: Overseas Development Institute, 2001. – P. 48–55.
5. Ndulu, B. J. Governance and Growth in Sub-Saharan Africa / B. J. Ndulu [et al.] // The Journal of Economic Perspectives – Vol. 13 – 1999 – P. 41–66.
6. Nickel, D. What after Cotonou? The Future Cooperation between the EU and the African, Caribbean and Pacific (ACP) States / D. Nickel // SWP Research Paper. – Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs, 2012. – P. 26–44.
7. Nielson, P. The new agreement will benefit the poorest / P. Nielson // The Courier. Special issue – Berlin, 2000. – P. 2–12.
8. Opportunities and Challenges / Cotonou Infokitnr. 5 – Maastricht: European Centre for Development Policy Management, 2001. – P. 8–21.
9. Rodrik, D. Growth Strategies / D. Rodrik; ed.: P. Aghion, S. N. Durlauf, // Handbook of Economic Growth – Linz: Johannes Kepler University of Linz, 2014. – P. 967–1014.
10. Sachs, J.D. Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income / J.D. Sachs // NBER Working Papers Series – №9490 – Cambridge, 2003. – 13 p.
11. Sachs, J.D. Tropical Underdevelopment / J.D. Sachs // Cambridge, Mass: NBER Working Papers Series – № 8119 – Cambridge, 2001 – 40 p.
12. The ACP states and the countries of the European Union // The Courier – Special issue – Brussels, 2000 – C. 31–37.

«ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ» В РАДИКАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

К.Д. Ананько (Гродно, Беларусь)

В некоторых странах Латинской Америки на рубеже XX–XXI вв. наблюдался рост популярности идеологии левых движений. Причиной этому послужили несколько факторов: негативные экономические преобразования, глобализация мирового хозяйства, социально-экономическое неравенство, которое постепенно усилилось в странах Латинской Америки. Идеология левых традиционно выступает за социальное равноправие, отсутствие классовых обществ и является противником принципов капитализма.

Что же касается латиноамериканских радикалов, то они всегда выступали за социально-политические преобразования. В политических процессах радикализм может иметь как положительный характер, так и отрицательный. С одной стороны он объединяет людей, а с другой – является источником конфликтов. В свою очередь правые выбрали такую позицию, в которой радикализм в целом рассматривается как источник противоправной деятельности, приравняемый к экстремизму и терроризму. Левые радикалы путём революционных действий пытаются искоренить социальную исключительность [6, с. 19–21].

По результатам выборов 1998 г. в Венесуэле к власти приходит представитель партии «Движение за Пятую республику» У. Чавес, что фактически и является первой знаковой победой левых в этом государстве. Приход леворадикалов к власти замечен и в других странах Латинской Америки: Бразилии, Чили,

Аргентине, Перу, Коста-Рике, Боливии и других. Причём в некоторых из государств повторялось не единожды за десятилетний период. Неожиданное появление леворадикальных представителей на постах глав государств Латинской Америки получило название «левый поворот» или «левый дрейф» [1, с. 5].

Специфика его обусловлена тем, что приход к власти левых сил был вызван политической заинтересованностью социальных низов, которые выступили против неолиберальной политики. К 2015 году 10-ти стран Латинской Америки придерживаются левых взглядов. Венесуэла, Куба, Боливия, Никарагуа, Эквадор – страны, в которых правящие партии являются леворадикальными. Эти страны входят в состав АЛБА – социалистический альянс стран Латинской Америки и Карибского бассейна, созданный по инициативе У. Чавеса и Ф. Кастро [2, с. 170].

Большинству «новым» левым партиям присуще использование символов и идей, заимствованных из истории Латинской Америки. Классический пример – Венесуэла, которая использует наследие С. Боливара. Идеологические основы боливаризма были представлены антиимпериализмом или антикапитализмом, народным правлением, социальной справедливостью, единением и защитой революции [4, с. 103]. В качестве основной задачи латиноамериканские леворадикалы установили национализацию, а основной политической целью стала борьба за национализацию природных ресурсов государства. Расширению внутреннего рынка и росту экономики способствовала активная социальная политика, которую удавалось проводить благодаря росту цен на нефть. Бразильский исследователь Э. Садер считает, что это и позволило леворадикальным силам в странах Латинской Америки находиться значительное время у власти [9].

Стоит также отметить воздействие левых на взгляды людей через средства массовой информации. Борьба за контроль СМИ в Латинской Америке всегда была наиболее оптимальным методом противостояния как идеологического, так и политического. Наибольшее влияние и преимущество имеет тот, кто эффективнее использует СМИ и современные пути воздействия. Примером могут стать выборы 2006 г. в Перу, когда завязалась острая борьба между левоцентристскими и леворадикальными силами. В тот раз победу одержал представитель левоцентристов А. Гарсия, на которого свои ставки сделали перуанская олигархия и США. Однако уже на следующих выборах в 2011 г. победил радикал О. Умала, чьи взгляды были ближе к левоцентристским. Интересно, что СМИ не только поддерживали одного из кандидатов, но и использовали информацию предвзятую по отношению к другому. Целью таких действий было нанесение наибольшего урона по репутации тех или иных режимов, создание провокаций, выгодных одной из сторон [5, с. 294–295].

Современная наука периодизирует историю латиноамериканского леворадикализма на четыре этапа:

- 1962 г. – начало 1990-х гг. – период вооружённой борьбы леворадикальных сил, целью которых было ослабление социальной несправедливости. Этот период ознаменован созданием леворадикальных организаций почти во всех странах Латинской Америки: в Чили – «Левое революционное движение», в Бразилии – «Действие за национальное освобождение», в Аргентине – «Революционная армия народа», «Монтонерос». В 1962 г. началась Гражданская война в Гватемале, что принято считать стартовой точкой этого периода;

- 1994 г. – конец 1990-х гг. – период борьбы леворадикальных сил с неолиберальной глобализацией. Этап начинается с восстания сапатистов в 1994 г. и характеризуется информационно-пропагандистской деятельностью леворадикалов;

- 1999 г. – 2013 г. – период нарастания стихийной борьбы против неолиберализма. В 2000 г. произошли протесты в Кито (Эквадор) и Кочабамбе (Боливия), в 2001 г. – в Буэнос-Айресе (Аргентина), в 2003 г. – в Ла-Пасе и Эль-Альто (Боливия), а в 2006 г. – в Оахаке (Мексика). Участники протестов выступали против растущей безработицы и бедности. В результате была развёрнута кампания против соглашения АЛКА – проекта Всеамериканской зоны свободной торговли, который в 2005 г. потерпел провал. Стабильно высокие цены на углерод в 2002–2008 гг. дали возможность леворадикальным силам реализовать свою стратегию по перераспределению доходов в пользу малоимущих;

- 2013 г. – по настоящее время – период, в котором левые правительства ведут борьбу против новых социальных движений, где присутствуют противоречия между средним классом и беднейшими слоями населения. Со своими протестами периодически выступают низшие слои, которые объединены в леворадикальные организации и движения. Однако такие движения по большей мере не организованы и находятся в конфликте с правительствами левых. Целью новых левых радикалов становится контроль территории, а не захват власти [6, с. 144–147].

После смерти У. Чавеса в 2013 г. аналитики предвещали конец «левого поворота», кризис социализма XX в., а также распад социалистического альянса АЛБА. Однако популярность левых сохранилась, что могут подтвердить выборы 2013–2014 гг., когда в Венесуэле преемником У. Чавеса стал Н. Мадуро, в Боливии свой президентский пост сохранил Э. Моралес [3, с. 75], в Бразилии – Д. Русеф, а в Уругвае – вновь Т. Васкес. Можно смело утверждать, что переизбрание леворадикальных политиков показывает сохранение доверия их избранных. Таким образом, на сегодняшний день к государствам с леворадикальным режимом относят Боливию и Венесуэлу, в некоторых случаях – Никарагуа, Эквадор и Аргентину. Лидером среди латиноамериканских и даже мировых леворадикальных руководителей государств можно считать Э. Моралеса. Это объясняется его политикой индеанизма, которая направлена против политики Соединённых Штатов. Моралес – первый президент, являющийся представителем индейцев

аймара – коренного населения Америки. Поэтому правительство Боливии в большинстве своём состоит из представителей метисов и индейцев [3, с. 77–78].

Уже во второй половине 2015 г. наблюдался очередной кризис левых, который связывали с победой оппозиции на выборах в Аргентине, импичментом президента в Бразилии и внутривластным кризисом в Венесуэле [6, с. 146].

Кризис левых радикалов наблюдался ещё раньше. Так, например, правительство Э. Моралеса в Боливии выяснило, что идеологическая дружба с Венесуэлой, Кубой и даже Россией не позволяет решить экономические проблемы. К тому же отношения с США были прерваны, когда Моралес со скандалом выслал американского посла с обвинением в подготовке государственного переворота. Но в 2009 г. из-за серьёзных экономических проблем Боливия подписала соглашение для улучшения двухсторонних дипотношений. Таким образом, авторитет Моралеса сильно подорвался [7, с. 21–22]. Стоит заметить, что до этого Э. Моралес и вице-президент Г. Линера заявляли о национализации всех ресурсов государства, в том числе редких металлов и энергоносителей [3, с. 77].

«Новые» левые, которые отличаются от прежних, теперь должны сражаться на два фронта: защищать свои антикапиталистические цели борьбы за будущий мир, а также защищать свои традиционные задачи – аграрную реформу, антиклерикализм, уважение к минимальным свободам. По мере роста влияния «новых» левых в Латинской Америке ученые сформулировали гипотезу о том, что «цивилизация планеты конституирует себя сейчас как подлинный мировой авангард антисистемных и антикапиталистических движений» [8, с. 60–63]. В 1920-е гг. центр этой борьбы находился в Советском Союзе, в 1960-е гг. – в Китае, сейчас же он перешёл в Латинскую Америку. Поэтому не случайно, что антисистемные и «новые» левые движения насчитывают значительное количество крупных отрядов на просторах Латинской Америки, например: движение достойных индейцев повстанцев-неосапатистов в Мексике, движение безземельных крестьян в Бразилии, индейцев Эквадора и Боливии, колумбийские и перуанские индейские движения, движение шахтёров, занятых и безработных в Аргентине [8, с. 63–65].

Кризис затрагивает все континенты планеты. Латинская Америка, являясь частью мирового экономического процесса, идёт к экономическому спаду, росту безработицы, девальвации национальных валют, то есть – экономическому кризису, который оказывает огромное влияние на политическую сферу региона. Кризис затрагивает не только леворадикальные, но также левоцентристские и правые режимы. Несмотря на это популярность левого радикализма в Латинскоамериканском регионе хоть и спала, но не столь критично, как это кажется. Общественная сила и влияние современных антисистемных движений Латинской Америки настолько огромные, что они смогли свергнуть местные правительства, непопулярных президентов и губернаторов, пересекать черту политических мер, которые были направлены противоположно интересам социальных низов. Все действия происходили мирно, хотя и путём мобилизации радикально настроенных масс. Идеология левых проделала огромный путь развития и эволюции через подпольную борьбу, череду кризисов и революции, став своеобразной «визиткой» этого региона.

1. Белоглазов, А. В. Феномен «левого поворота» в странах Латинской Америки в 1998–2012 годах / А. В. Белоглазов, А. В. Масленников // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 1. – С. 3–11.
2. Каллагова, З. М. «Левый поворот» Латинской Америки / З. М. Каллагова // Этносоциум. – 2015. – № 5. – С. 169–171.
3. Коларов, Г. Эво Моралес – лидер левых политических сил в Боливии и Латинской Америке / Г. Коларов // Научно-аналитический журнал «Обозреватель». – 2015. – № 4. – С. 71–82.
4. Неверов, К. А. «Старые» и «новые» левые в Латинской Америке: пример Бразилии и Венесуэлы / К. А. Неверов // Terra Humana. – 2013. – № 4. – С. 100–104.
5. Пашенцев, Е. Н. «Левый поворот» и медиавойны в Латинской Америке / Е. Н. Пашенцев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 51. – С. 283–316.
6. Попова, Л. Л. Глобальные и региональные факторы эволюции левого радикализма в Латинской Америке (начало XXI века): дис. к-та полит. наук: 23.00.03 / Л. Л. Попова. – СПб, 2016. – 236 л.
7. Райхель, Ю. Левый радикализм в Латинской Америке теряет популярность / Ю. Райхель // Политические изменения в Латинской Америке. – 2013. – № 13. – С. 20–23.
8. Рохас, К. А. Латинская Америка на распутье. Социальные движения и смерть современной политики / К. А. Рохас. – М.: Круг, 2012. – 160 с.
9. Sader, E. Avanzar contra la corriente / E. Sader // La Jornada [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <http://www.jornada.unam.mx/2015/11/01/mundo/019a1mun>. – Fecha de acceso: 20.11.2017.

US SECURITY STRATEGY IN THE XXI CENTURY

G.A. Piskorska, N.L. Yakovenko (Киев, Украина)

The contemporary situation of international system of securing peace and stability is the common problem of modern international relations in general and one of the key parameters of assessment the effectiveness of the foreign policy of any state. Results of internal and external security strategies of the states depend not only on those foreign political resources a state has at its disposal, but on that how wisely those resources are used.. The most significant and generalizing document giving the whole picture of US apprehension of its foreign policy, is the US National Security Strategy causing a rising interest of many foreign and American experts to it, whose research deals with the analysis of US foreign policy and security strategies.